

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39:91

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА (XIX – нач. XX в.)

З.Б. Рамазанова

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

soya.ram@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с этногеографическими особенностями формирования поселений горцев Дагестана в XIX – начале XX в. Здесь обращается особое внимание на культуру природопользования и расселения (хозяйство и система расселения, определяющие отношение человека к природным ресурсам и пространству). В статье на основе полевого и литературного материала по данной проблеме делается попытка указать на воздействие целого ряда факторов (физико-географических, экологических, экономических и т.д.) на процесс формирования поселений (на систему расселений) у народов Нагорного Дагестана в исследуемый период.

Abstract: The article deals with the problem of ethnogeographical features of settlement development of Dagestan mountaineers in the 19th – early 20th cc. Special attention is given to the culture of nature management and displacement of the population (economy and settlement system, which determine the man's attitude to natural resources and space). Basing on the field and literature data concerned with the problem, the author points out that a number of factors (physical-geographical, environmental, economic, etc.) had an impact on the process of settlement development (the system of displacement) of the population of Mountainous Dagestan during the period under review.

Ключевые слова: поселение, природопользование, расселение, усадьба, экология, этногеографические особенности, горцы Дагестана.

Keywords: settlement, nature management, displacement of population, farm, ecology, ethnogeographical features, mountaineers of Dagestan.

К культуре природопользования и расселения (хозяйство и система расселения, определяющие отношение человека к природным ресурсам и пространству) относятся знания о природных условиях и экологических рисках для жизни, здоровья и хозяйственной деятельности на освоенной территории; орудия труда, знания и навыки, необходимые для эксплуатации природных ресурсов на освоенной территории и для первичного производства материалов, из которых затем готовится пища, строятся жилища и хозяйственные постройки; знания и навыки, необходимые для передвижения по освоенной территории и для выбора мест временных стоянок или локализации поселений; знания и навыки по планировке поселений или стоянок и отдельных хозяйственных дворов и по размещению хозяйственных построек на освоенной территории.

Поселение, территориальные группировки (система расселения), жилища, усадьба являются одними из составных компонентов материальной культуры любого этноса. Их формирование и развитие происходит под воздействием целого ряда факторов (физико-географических, экологических, экономических, демографических и исторических), которые оказывают существенное влияние на процесс функционирования этнобытовой культуры живущих в них народов.

Например, роль этногеографических особенностей в формировании поселений народностей андийской группы отмечал в своей статье М.А. Агларов: «Природа так надежно отгородила этот район, что в Андию возможно было проникнуть из Аварии лишь двумя путями: через Муниинское ущелье, прорезанное рекой Унса-тлен, ущелье узкое, глубокое, протяженностью до 5 км.

Охранялось оно шестиэтажной башней у самого входа в ущелье со стороны Муни, и через Андийские ворота, откуда в свое время проник в Андию (1845 г.) граф Воронцов во время Даргинской экспедиции. Ворота (седловина), образованные обрывом северо-восточного скалистого отрога Андийского хребта, шириной 200 метров, также были укреплены превосходной крепостной стеной с четырьмя башнями...

Эту печать физико-географической особенности в большей или меньшей степени носят районы расселения и других народностей группы. Здесь совпадают этнические границы с границами обособленных в рельефном отношении микрорайонов. Так, багвалалы занимают часть правобережья Андийского Койсу, увенчанного лесистыми вершинами продольного притеречного хребта. Этот склон ниже по течению реки ограничен поперечным каньоном и отвесным обрывом юго-западной части Алакского хребта, а выше по течению – замыкается Тиндинскими горами» (Агларов М.А., 1966. С. 371).

Размещение поселений на местности – тип заселения – определяется, прежде всего, особенностями экосистем, природными условиями края, особенностями хозяйства и историческими традициями, складывавшимися у местного населения на протяжении веков. Необходимо отметить, что одним из главных факторов, определивших характер заселения, место выбора для поселения, был фактор экологический. Наличие на данной территории достаточного количества пахотной земли и пастбищ для скота было обязательным и первым условием для основания поселения (Исламмагомедов А.И., 2002. С. 13; Мусаева М.К., 2003. С.20). В силу природных условий существовал острый недостаток пригодной для пашни земли, и это малоземелье наложило определенный отпечаток на характер заселения.

Следующим фактором, который влиял на заселение, была проблема водоснабжения. Данный фактор является одним из главных, так как наличие вблизи от поселения питьевой воды в достаточном количестве считалось одним из значимых факторов.

При рассмотрении поселений дагестанцев с точки зрения этноэкологии, их влияния на жизнеобеспечение и здоровье жителей следует уделить внимание элементам общественной гигиены, тем более, что этот вопрос, к сожалению, не привлекал до сих пор внимания ученых.

А.И. Исламмагомедов отмечает: «Не довольствуясь наличием близких источников, горцы заготавливали сосуды большой емкости для хранения воды на случай необходимости. Такие сосуды были во многих селениях (Ругуджа, Хиндах, Чох). В Ругудже имелся сосуд из цельного камня объемом около 40 «къали», т.е. 560 кг. Сосуд, обнаруженный в Хиндахе, состоит из четырех каменных колец, диаметром 1,20 метра, высота каждого кольца 50 см, толщина 10 см и отдельного дна, которые сцементированы между собой.

Место расположения источника тщательно скрывали от посторонних и оберегали. Например, в селении Тидиб источник расположен внизу, за оврагом, по другую сторону ложа пересохшего ручья, в ста метрах от селения. Дорога до источника была крытая, защищенная со всех сторон, в виде подземного хода. Подземный источник представляет собой колодец, наклонно уходящий вглубь метров на 12–13. Спускаясь к нему по ступенькам, потолок туннеля перекрыт арками, а между ними ложный свод. Вода собиралась в каменном сосуде, а источник расположен в стороне и к резервуару вода подводилась по каменным желобам. Резервуар находится на глубине 10–11 метров от поверхности» (Исламмагомедов А.И., 2002. С. 138).

Поселения, пожалуй, один из наиболее изученных элементов материальной культуры народов Дагестана, хотя специальной монографии на исследуемую тему нет. Перечень специальных статей (или разделов в книгах) довольно внушителен, мы приведем основные из них (Калоев Б.А., 1959; 1979; Гаджиева С.Ш., 1960; 1961; 1976; Османов М.О., 1962; Исламмагомедов А.И., 1964; Агларов М.А., 1966; Сергеева Г.А., 1967; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г., 1967; Ихлов М., 1967; Материальная культура аварцев, 1967; Булатова А.Г., 1971; Мусаева М.К., 2003).

В общем-то представлялась решенной и проблема типологической классификации дагестанских поселений. Типологическая схема «селение – отселок», предложенная М.З.О. Османовым (Османов М.О., 1962. С. 220–225), была с определенными вариациями принята и другими исследователями (С.С. Агаширинова, А.И. Исламмагомедов, М.А. Агларов, А.Г. Булатова и др.).

Известно, что поселение – тот элемент культуры, который обнаруживает наибольшую степень связи с социально-экономическим строем. Как говорит М. В. Витов, «поселение – одно из материальных выражений социальной жизни» (Витов М.В., 1953. С. 34). Социальная сторона поселений отражается прежде всего в типе расселения и типе поселения, материальная – в типе заселения и типе планировки (форме поселения). М. В. Витов отмечает, что тип поселения отражает его социально-экономическую природу, представленную определенными социально-

экономическими разновидностями (напр., село, слобода, погост, хутор). Тип поселения, можно сказать, больше отражает формационное содержание объекта («производственные отношения и социальный строй являются основными факторами, определяющими характер поселений» (Витов М.В., 1953. С. 34), а тип расселения – пространственно-материальное, или характер группировки поселений, степень взаимной сгруппированности на территории (напр., скученный, гнездовой, разбросанный).

В типе расселения исследователи подчеркивают его более вещный, материальный характер, связь с уровнем производительных сил, направлением хозяйства и с воздействием местных географических условий («тип расселения» – «материальное оформление» общественного строя в местных условиях») (Витов М.В., 1953. С. 36). Таких же взглядов придерживается большинство исследователей. Е. Э. Бломквист, В. В. Пименов и др. (Бломквист Е.Э., 1956. С. 30, 33, 35, 37; Пименов В.В., 1964. С. 2, 7, 9, 12, 13, 17; Современные этнические процессы..., 1975. С. 160–161), из кавказоведов – А. И. Робакидзе, В. П. Кобычев. А. И. Робакидзе под типом поселения подразумевает «уровень общественно-экономического развития» (Робакидзе А.И., 1964. С. 2). В работах А. И. Робакидзе и В. П. Кобычева в понятие типа поселения включено социально-экономическое, формационное содержание (Кобычев В.П., Робакидзе А.И., 1967).

Определенное внимание уделялось разработке критериев типологии поселений, хотя можно отметить, что они намечены в работах М. В. Витова, А. И. Робакидзе, В. В. Пименова, В. П. Кобычева и др. (Витов М.В., 1953. С. 34; 1958; Робакидзе А.И., 1958; Пименов В.В., 1964. С. 5, 7, 9, 12, 17; Кобычев В.П., 1964; Кобычев В.П. Робакидзе А.И., 1967; Кобычев В.П., 1968). Следует отметить также, что при отсутствии разработки системы критериев имеется, тем не менее, немало удачных разработок типологий применительно к поселениям отдельных регионов и народов (Пименов В.В., 1964; Робакидзе А.И., 1958; Гаджиева С.Ш., 1961; Кобычев В.П., 1962; Сергеева Г.А., 1967; Агаширинова С.С., 1979).

Более полную типологию поселений приводит в своей статье М.О. Османов (Османов М.О., 1988. С. 11, 19–21).

При формулировках комплекса критериев мы руководствовались имеющимися теоретическими разработками (М.В. Витов, М.В. Крюков и др.), конкретными типологиями отдельных народов, разработками и материалами дагестанских исследователей. При этом мы исходили из того, что процедура типологического исследования «заключается в выявлении сходств и различий явлений, формулировании критериев их» (Кузнецов А.И., 1979. С. 155). Описание поселений, начнем, в соответствии с этнографической традицией, с «типа расселения».

Целесообразность данной традиции заключается в том, что «тип расселения как бы дает первоначально необходимые сведения, он более информативен, представляет собой как бы «введение» в поселение определенного народа или региона, района» (Османов М.О., 1988. С. 8).

Тип расселения включает: 1) характер группирования (сгруппированности) отдельных поселений, плотность расселения региона (района), степень его скученности (в районе, но не в самом поселении) — скученность в расселении может сопровождаться свободной планировкой внутри поселения; 2) профиль хозяйства и землепользование: а) характер пользования земельным фондом общины, зависимость расселения от количественного и видового состава угодий и их расположения, от водных источников и их запасов; б) тип и направленность хозяйства; 3) структуру поселения: а) характер общины; б) поквартальное деление (кварталы, концы); в) фамильный (родовой, тухумный) состав кварталов (моно- и полигентильные); г) общественные места (кладбище, годекан, мечеть и др.).

При дальнейшей характеристике поселения параметры подводят нас непосредственно к формационной оценке, в которой можно выделить: 1) социально-экономическую природу (характер) с включением форм землевладения и землепользования; 2) общественно-политический строй с включением структуры и характера аппарата власти и принуждения, т. е. это уже то, что относится исследователями к «типу поселения».

Исследовательский опыт (и результаты) советских этнографов, занимавшихся поселениями, в частности, М. В. Витова, В. В. Пименова, А. И. Робакидзе, В. П. Кобычева и др., показывает, что «тип расселения» и «тип поселения» крепко взаимосвязаны, представляют собой как бы разные, но переплетенные грани одной сущности (явления), и поэтому резкая граница между ними невозможна да и нежелательна.

Впрочем, перечень критериев (комплекс признаков) обоих «типов» представляет собой такое органическое единство, что мы можем говорить, по-видимому, о такой «типизации, целью которой, в отличие от классификации, является выработка представления об органическом

единстве набора существенных признаков, образующих сущность вещи» (*Тульчинский Г.А., Светлов В.А., 1979. С. 26*). Разумеется, при типизации следует иметь в виду и то, что явления, чтобы «быть типичными, должны обладать массовостью, быть не случайными и практически неизменными на определенном отрезке времени» (*Кузнецов А.И., 1979. С. 155*).

В то же время следует отметить, что «в каждом явлении или системе помимо основных – функциональных – связей существуют еще генетические и трансформационные, отражающие факт сосуществования и взаимной связанности в явлении как элементов прошлого, так и элементов перехода к будущему» (*Барг М.А., 1964. С. 87*).

Крупные селения, нередко заключающие в себе всю этническую группу, составляли преобладающий вид поселений, представленный с вполне определенным видовым названием – аул (селение).

Другим видом поселений, отражающим тип расселения, таким же вполне четким и определенным, существующим издревле и имеющим собственное видовое название, является хутор. «Правда, строго говоря, его нельзя назвать хутором в обычном понимании, однако более близкого к содержанию предмета и точного наименования мы не нашли», – отмечает М.О. Османов (*Османов М.О., 1988. С. 4*). К тому же своеобразные хозяйственные базы или пункты, первоначально сезонного характера, со временем приобретают черты хутора. И еще одно: в источниках и литературе по Дагестану, в том числе специальной этнографической, они получили определение именно хуторов (*Динник Н.Я., 1911. С. 642; Иоселиани П., 1862. С. 41; Марков Е., 1887. С. 452–454, 460; Хашиев Х.О., 1959. С. 50; Сергеева Г.А., 1967. С. 161.*). Учитывая все это, мы сочли возможным квалифицировать его в качестве отдельного вида, принимая во внимание то существенное обстоятельство, что он все-таки нес поселенческие функции – пусть на первых порах своего образования и сезонного характера (были хутора и круглогодичного функционирования).

В типе расселения дагестанских народов существенное место занимает еще один вид, связанный с обоими названными нами, занимающий промежуточное положение между ними. Это обстоятельство породило некоторую неопределенность его положения и терминологическую нечеткость. У отдельных народов Дагестана даже не было термина для его обозначения (терминологически он не отделялся от хутора), у других он выделен четко. В литературе он получил название отселка, иногда выселка.

Теперь остановимся на характеристике каждого и попытаемся обосновать исходя из комплекса критериев адекватность этой классификации, а также распространенность (удельный вес) всех видов.

Аул (росо – авар., ши – дарг., щар – лак.). Первый признак аула – многодворность, многолюдность, отражающая большую степень скученности расселения. В любом районе, любом этносе аулы подавляюще превосходили основные виды по количеству дворов, даже в тех случаях, когда они были в единственном числе (см.: *Османов М.О., 1988. С. 11*). Так, например, в обществе Акуша в середине века был один аул и свыше 40 хуторов и отселков, но большая часть хозяйств сосредоточивалась в главном (материнском) селении – в Акуша. Нередко аулы являлись центрами «вольных» обществ, феодальных владений, занимали важные в стратегическом и торгово-экономическом отношении места. Несмотря на последствия многочисленных военных столкновений XVIII–XIX вв. разоривших и опустошивших многие поселения, в Дагестане было 130 аулов с населением, превышавшим 1000 человек, причем многие из них имели от двух до восьми тысяч жителей (*Османов М.О., 1962; Комаров А.В., 1869. С. 10–26; Заикин Г.М., 1917*). Многие наблюдатели отмечали, что дагестанцы «живут большими селениями», «большими аулами» (*Гене Ф.И., С. 346; Байер Ф., 1871. С. 300; А.З. (Зиссерман), 1854. С. 35; Воспоминания о службе..., 1851. С. 500; Кузнецов Н.И., 1913. С. 132*).

Образование аула как вида относится к XI–XIV вв. До этого преобладали небольшие поселения родственного характера (тухумные), характеризовавшиеся расположением на недоступных, неудобных для жизни и хозяйственной деятельности местах, близко к горным пастбищам, разбросанностью, развитым террасным земледелием. В XI–XIV вв. ослабление родовых (тухумных) отношений, изменение зональной хозяйственной специализации (когда в горах наметилась тенденция к специализации на скотоводстве – с XIII–XIV вв.) и связанное с этим изменение структуры сельскохозяйственных угодий, соответствующее перераспределение фондов угодий (в т. ч. по их назначению) повлекли за собой разложение и угасание тухумных поселений и изменение типа расселения (см.: *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г., 1967. С. 83–89; Материальная культура аварцев, 1967. С. 112–131; Османов М.О., 1970. С. 291–293, 295–297*). Этот

период с XI в. является одновременно и периодом возникновения сельской территориальной общины, хотя на первых порах еще ощущаются следы родственного расселения, выразившиеся в ее территориально-родственном характере (аул делился на территориальные единицы – кварталы, концы, но заселялись они потухумно). Однако в целом здесь приложима характеристика, данная А. И. Робакидзе для горной Грузии XIII в.: «принцип родственной принадлежности уже не играл организующей роли и вообще носил уже вторичный характер» (Робакидзе А.И., 1967. С. 57).

Как всякая сельская община, аул представляет собой прежде всего известное территориальное единство со строгой определенностью назначения угодий и их регламентацией. Соседские (территориальные) связи аула охватывают связи социально-экономические, общественно-политические (управленческие), общественно-бытовые, связанные с исполнением семейной, гражданской и религиозной обрядности, общественно-бытовых, культурных, просветительских нужд и др.

Все отношения регулируются обычным правом (отчасти шариатом) и носят организованный, упорядоченный, регламентированный характер. Аул имеет свои органы власти и управления, которые в первоначальном виде, генетически (не «превращенные») (Османов М.О., 1988. С. 5) являются выборными и демократическими (Магомедов Р.М., 1957. С. 42–48; 69–73, 115–142; Хашаев Х.-М., 1961. С. 225–237; Общественный строй сельских общин..., 1981).

Таким образом, обязательным признаком аула является наличие крепкой сельской территориальной общины. В ауле с такой полнокровной общественной жизнью большое место должно было отводиться общественным местам. Прежде всего это место сельского схода, затем джума (соборная) мечеть, свойственная именно аулу (настолько, что может служить отличительным признаком аула по сравнению с махьи и отселком).

Другой четкий признак аула – сельское кладбище (при организации поселений дагестанцы устраивали кладбище вдали от населенного пункта); в «отселке» или «махьи» заводить кладбище не разрешалось, что связано, возможно со стремлением «аула» гасить центробежные тенденции (что угрожало потерей людского, военного и экономического потенциала), привязыванием к могилам предков.

Таким образом, основной тип поселений Дагестана – аул характеризуют в XIX в. многодворность, отражающая скученность расселения; полный суверенитет над всем фондом общих для общества земельных угодий; крепкая сельская территориальная община (генетически с XI–XIV вв. территориально-родственная), делящаяся на кварталы с пережитками родственного расселения; обязательное наличие места сельского схода; исключительное право на обзаведение джума-мечетью и сельским кладбищем.

Махьи (хутор) (мархью – авар., ая – дарг., махьи – авар., маши – лак., махьи – дарг.). Это – поселение, являющееся опорным пунктом для определенной хозяйственной микрзоны. Зарождаясь как хозяйственное поселение, оно в процессе хозяйственного освоения новых земель и роста населения становится при благоприятных условиях постоянным (см.: Османов М.О., 1962. С. 13).

Г.А. Сергеева указывает, что махьи возникли «как правило, или на местах выпаса скота, или вблизи удобных земельных участков» (Сергеева Г.А., 1967. С. 74).

В практике сущностное и терминологическое различие махьи и отселка незначительно. Одна из причин в том, что многие отселки в своем генезисе происходят от махьи.

Далее. Не существовало особых качественных различий «между отселком, выросшим на иных основаниях (изгой, охрана земель, распад патриархальных семей и т. п.), и отселком, выросшим из хозяйственного хутора, не существовало резких переходов между ними; вчерашний хутор, сочетавший хозяйственные и частично поселенческие функции, мог перерасти в отселок, сохраняя еще свое видовое название» (Османов М.О., 1988. С. 13).

Поэтому у многих народов в их обозначении наблюдается смешение (кули и махьи у аварцев, махьи и ая у даргинцев, один термин – махьи для хутора и отселка у лакцев и т. п.). Но и сквозь это смешение видно, что единый ряд трех видов (аул – махьи – отселок) существовал у всех народов Дагестана, правда, с меньшей определенностью малых видов. Менее четкой и устоявшейся выглядит терминология и сам ряд видов у лакцев, более – у аварцев, даргинцев, тиндалов и др.

М.З.-О. Османов указывает, что «Стадиально, с точки зрения социальной структуры, махьи в XIX в. – более поздняя структура, чем аул и отселок, ибо это чисто хозяйственное территориальное поселение, образованное выходцами из разных кварталов, тухумов, селений. Однако образование его прослеживается по меньшей мере со времени образования аула и одновременной зональной специализации хозяйства» (Османов М.О., 1988. С. 13), а в качестве

хозяйственной базы – еще раньше, практически со времени сложения производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства (*Гаджиев М.Г.*, 1980. С. 12–13).

Поскольку в условиях зональной хозяйственной специализации необходимость внутрисельского отраслевого разделенного хозяйствования возникает постоянно, процесс образования махьи непрерывен. И в условиях ослабления общинных традиций, семейно-родственных отношений его поселенческая, морфологическая структура приобретает более поздний, современный характер. Не случайно именно махьи становится структурной основой сложившегося в конце XIX – начале XX в. в Дагестане полукапиталистического и капиталистического (кулацкого) хутора.

Указывая на отличие махьи и отселка, М.О. Османов отмечает: «Махьи отличается от отселка прежде всего тем, что это однодворное поселение, в отличие же от аула оно характеризуется разбросанным характером расселения. Хутора одного аула бывают разбросаны фактически по всей территории общины, как на летних, так и на зимних угодьях. Население махьи не обладает никакими правами на земельные угодья, кроме как на собственный пахотный или покосный участок. Использование близлежащих угодий возможно только по общему распорядку и с санкции общины. Порою хозяин хутора даже не имеет полного права собственности на свои постройки, если они построены с разрешения общины на общественной земле (зимних пригревах); при неиспользовании им самим (если он там не живет) постройку может занять любой член общины»* [*Конечно, в одном урочище могло быть несколько хуторов, могло быть и так, что к хутору одного хозяина подсеялось еще несколько дворов, но они не образовывали единой хозяйственной и поселенческой совокупности. Каждый из дворов хутора больше связан со своим хозяйством в ауле (или отселке), чем с хутором другого хозяина, расположенным рядом. Лишь став круглогодовыми, постоянными хуторами со своим комплексом земельных угодий и совместным севооборотом и выпасом скота, собравшиеся в одно место «однодворки» превращались в совокупность, одно поселение, обретали хозяйственно-поселенческое единство и из хуторов-однодворок превращались в один малодворный отселок].

Кроме того, здесь иной характер хозяйства: если в ауле преобладает тенденция использования всего комплекса угодий, в т. ч. разносезонных, разнозональных (отгонные пастбища), то махьи – внутреннее хозяйство, стационар. Именно на хуторской системе базируется так называемое внутриальпийское горное скотоводство.

И тем не менее, как указывает М.О. Османов, «здесь нет никакой общины, каждый житель махьи – член общины аула со всеми вытекающими отсюда обязанностями (и правами). При этом община аула намеренно подчеркивала неполноту поселенческих функций хутора; так, в отдельных обществах разжигание летом на хуторе огня (или света) категорически запрещалось и влекло строгие санкции.

Не было здесь, разумеется, и никакого места для сельского схода, как не было ни мечети, ни кладбища» (*Османов М.О.*, 1988. С. 7).

Отселок (кули – авар., махьи – дарг., мащи – лак.).

Всевозможные связи пролегают между махьи и отселком, промежуточным между аулом и махьи видом поселения. Становление его как вида относится к XVII—XVIII вв. Отселок, даже выросший до размеров аула и более, отличается от него тем, что о нем известно, выходцами из какого аула он основан, а также связью с материнским селением рядом взаимоотношений хозяйственного и общественного характера, показывающих его определенную зависимость от этого селения.

Местная традиция, устная и письменная, называет в числе предпосылок образования отселков разрастание семей и необходимость расселения излишков населения для освоения новых угодий и охраны пограничных земель общин. Так, А.И. Алиев и З.А. Никольская пишут о разбросанных вокруг аулов выселках, «предназначенных для охраны земельных угодий основного селения» и получивших для себя «небольшой земельный надел» (*Алиев А.И., Никольская З.А.*, 1955. С. 476).

Аналогичные высказывания с приведением конкретных примеров мы встречаем и у русских наблюдателей XIX в., и у современных исследователей, использующих местные рукописные источники (*Комаров А.И.*, 1969. С. 32; *Хашаев Х.М., Саидов М.-С.*, 1957. С. 11). Более активен был этот процесс у аварцев (ср.: в XVII в. «в Аварии шел процесс образования выселков») и даргинцев (ср.: «в Даргинии в конце XVI в. существовали хутора-выселки») (*Айтберов Т.М.*, 1978. С. 113, 116; 1980. С. 92).

Основные предпосылки (причины) образования отселков — развитие производительных сил, выразившееся в улучшении техники, методов и навыков хозяйствования, расширении запашки,

увеличении и интенсификации овцеводства, росте сенокосов, в дальнейшей хозяйственной специализации по природно-экономическим зонам и отдельным обществам, в усилении торгово-экономических связей. Все это вызывало определенную перекомпоновку расселения, образование новых поселений, угасание некоторых старых.

Процесс этот ускорился в связи с прогрессирующим распадом больших семей и общим увеличением народонаселения.

Относительно многолюдности отселок можно назвать малодворным, в отличие от однодворного махьи и многодворного аула. Вместе с совокупностью махьи, одного или нескольких аулов отселки образуют разбросанный тип расселения, резко отличающийся от скученного аула.

Как указывалось выше, основной источник образования отселков — разросшиеся хутора. Русские наблюдатели, в частности А. Комаров, не раз указывают на это: «В местах особых удобств владельцы остаются на постоянное житье, но подчиняясь во всем управлению своего селения, до тех пор пока население хутора увеличивалось до того, что строило у себя мечети, выбирало старшин и картов и совершенно отделялось от коренного селения» (*Комаров А.И.*, 1869. С. 29–30). Но при этом «в большие праздники, во время уразы и по пятницам все мужчины обязаны собираться» в мечеть главного селения (*Комаров А.И.*, 1869. С. 72–73). Таким образом по Комарову, «отселки — это хутора, на которых уже постоянно живут, но еще не отделившиеся от своих селений» (*Комаров А.И.*, 1869. С. 30). Тем самым он поставил довольно четкую границу между хутором и отселком, между последним и аулом.

Промежуточное положение отселка сказывается и в пользовании угодьями. Имея свои пахотные участки, он не всегда обладал покосами или пастбищами и пользовался ими из общего фонда общины наравне с жителями аула. «В этом особенность отселка: хутор не оторван от аула, его угодья те, что есть у аула, сам аул — сюзерен всех наличных угодий общества, а вот отселку не всегда удавалось получить долю общесельских угодий, особенно когда их у аула немного. Поэтому некоторые из них, отделившись от аула и приобретя статус самостоятельности, оказывались слабо обеспеченными теми или иными видами угодий. Отсюда и особенности профиля их хозяйства — земледелие, садоводство, промыслы, отгонное овцеводство», — отмечает М.О. Османов (*Османов М.О.*, 1988. С. 8).

Поэтому вопрос людности, роста числа дворов был более дифференцированным, зависимым конкретно от целого ряда факторов, в том числе таких, как возможность приращения угодий, взаимоотношения с материнским селением, резервы водного источника и др.

Поселенческая структура отселка значительно отличается от структуры аула. Поскольку они были опорными пунктами освоения земель, в их складывании и развитии большую роль играла хозяйственная и промысловая специализация, нежели тухумно-родственные связи. Сказывались и общие закономерности времени их генезиса и развития (XVII–XIX вв.), выражавшиеся в усилении значения хозяйственных и общественных факторов и падении тухумных, родственных связей. Частными проявлениями их являлись: распад больших семей, ослабление роли тухумов в жизни общины, хозяйственное происхождение кварталов (связывание квартального деления с удобством для хозяйствования в общине), отселок являлся не территориально-родственным поселением (ввиду слабости родственных начал в генезисе и развитии), а территориальным, с разделением на соседские кварталы, с некоторыми несущественными признаками родственного расселения.

Относительно хутора еще одним отличительным признаком отселка можно считать становление в нем общины, не зависимой в своих внутренних (хозяйственных и др.) делах от материнской (во внешних и отчасти сюзеренных: главенство может остаться за материнским селением, особенно если оно является и центром союза обществ).

Общественные места отселка — также надежный отличительный признак. Сельского схода (и соответственно места его) не было, но стихийные сходы, обсуждавшие вопросы хозяйствования, были. В пору отделения от аула они становились регулярными, происходило своеобразное «митингование». Здесь же находилась мечеть, даже по нескольку в больших поселениях, но соборной мечети нет — не положена.

По указанию А. Комаров относительно Куядинского общества, «кадий, сельское управление и главная мечеть, в которую должны по пятницам собираться жители со всех отселков, находятся в Куяде, которая поэтому и называется росо, т. е. селение» (*Комаров А.И.*, 1869. С. 43).

В отселке отсутствовало кладбище. Как отмечал А. Комаров, «отселки, весьма значительные по числу дворов и имевшие по несколько мечетей, не имели права хоронить мертвых иначе, как на кладбище главного селения» (*Комаров А.И.*, 1869. С. 55).

И так признаками отселка являются: малодворность, разбросанное расселение (с элементами скученности), субобщина с ограниченными правами, определенная ограниченность земельных угодий, наличие мечети, отсутствие общего сельского схода, джума-мечети и кладбища.

Таковы три вида поселений, отражающих тип расселения народов Дагестана в первой половине XIX в. Однако для полноты и четкости представления о них необходимо, по-видимому, охарактеризовать и картину распространения выявленных видов.

Здесь же необходимо отметить, что поселения очень медленно меняют свою планировку и характер застройки, обусловленные природно-климатическими особенностями обитаемого края, уровнем развития экономики и форм землепользования.

У всех народов Дагестана были представлены все три вида поселений, однако степень бытования их в разных районах неодинакова. Наиболее универсальный вид, представленный по всему Дагестану, охватывающий основную массу населения и земельных угодий, выступающий как средоточие не только основной массы земли и хозяйства, но и управления, политической власти, регулирования общественного быта, – это аул. Можно найти отдельные общества без хуторов или отселков, но без аула – невозможно. Поэтому для определения группировки поселений в отдельном районе, плотности расселения, скученности есть смысл рассматривать бытование видов поселений в комплексе, совокупности – аул, махьи, отселок, ибо каждый из них олицетворяет отличающийся тип группировки – скученный, разбросанный и слабо (относительно) разбросанный. Как уже говорилось, при формировании аула расселение заключалось в сгруппировании, «скучивании» малых поселений в большие, процесс же образования махьи и отселков представлял собой обратное рассеивание, но уже под эгидой аула, в форме системы хуторов и отселков аула.

Необходимость комплексного рассмотрения диктуется имеющимся у нас статистическим материалом: в источниках хозяйства (дворы) отселков и махьи нередко приводятся в составе аула, под эгидой которого они состоят. Так, по источнику вслед за Темир-Хан-Шуриным округом почти вровень с ним по многодворности поселений идет Даргинский округ, но в первом было только 7 хуторов и отселков, а во втором – 189, и все дворы этих 189 поселений отнесены к аулам-патронам (Комаров А.И., 1869. С. 6–26). Таким образом интенсивность образования хуторов и отселков определяет степень скученности или разбросанности расселения (см.: Османов М.О., 1988. С. 10). После Даргинского по интенсивности идет Гунибский округ – 57 хуторов и отселков, затем Андийский – 46, Кайтаго-Табасаранский – 20, Казикумухский – 19, Аварский – 17, Самурский – 8, Кюринский – 6 (Османов М.О., 1988. С. 18; Комаров А.И., 1869. С. 6–26, 28–50, 52–80, 84–123). Отметим, что картина эта далеко не полная, малых поселений было намного больше. Однако это не устраняет того обстоятельства, что подобное «распределение» хуторов и отселков должно было иметь свои предпосылки и закономерности. Отметим, что в лесных районах расселение более разбросанное, но аульное, а процесс образования хуторов и отселков слабо развит (Дидойский, Андийский участки) (см.: Османов М.О., 1988. С. 18). Немалую роль в этом процессе играла профилированность хозяйства. Так, оказалось, что несмотря на связь формирования хутора с животноводческой постройкой, сеть хуторов получила наибольшее развитие в районах с комплексным земледельческо-скотоводческим (или скотоводческо-земледельческим) хозяйством с большим удельным весом стационарного скотоводческого хозяйства, с зимним содержанием скота в собственной округе на комплексных хуторах. В районах же с развитым отгонным скотоводством, особенно трансюманса, хутора и отселки не получили особого развития (Бохнадальский, Глейсерухский участки Гунибского округа, Дидойский – Андийского).

Важную роль в особенностях образования хуторов и отселков играли социальные факторы, в частности формы землевладения и землепользования. Например, на равнине передель общинных земель служили препятствием для образования комплексных хуторов, «уходу на свой мульк», как выражались в горах (это практиковалось на феодальных землях, особенно в засулакской Кумыкии; и здесь были поселения, выросшие из таких хуторов, но немного). Наиболее развито было образование хуторов и отселков в обществах, не знавших ханской власти. С другой стороны, этот процесс незначителен на землях феодальных владений (Османов М.О., 1988. С. 19).

Наиболее развитую сеть хуторов и отселков имели бывшие независимые союзы обществ даргинцев – Акуша, Цудахар, Мекеги, Каба-Дарго, Сирха (Даргинский округ), центральной Аварии (без ханства) – Батлукский, Гидатлинский, Андалалский, Куядинский участки; андийцев (Каратинский, Тиндинский участки), западных аварцев – Анцухо-Капучинский участок. Слабо развита была система хуторов в Кайтагском уцмийстве (Кайтаго-Табасаранский округ),

Кюринском и Казикумухском ханствах, у агулов, рутульцев (Кюринский, Казикумухский округа, Ихрекский участок) (см.: *Османов М.О.*, 1962. С. 19).

Таким образом, особенности расселения в Дагестане в XIX в. выразились в развитии трех видов поселений – аул, махьи, отселок. В основу этой классификации легли признаки, выделяемые на базе совокупности критериев социального и бытового порядка: характер группировки поселений; особенности землевладения и землепользования; профиль хозяйства; структура поселения (характер общины, структурное деление, общественные места).

В распространенности основных видов главную роль играли направление и характер хозяйствования района, особенности экологии, социальные факторы. Вариативность типа расселения от скученного до разбросанного определялась распространенностью в каждой местности совокупности всех трех видов поселений, причем ввиду всеобщей распространенности аула плотность расселения обуславливалась развитостью системы хуторов и отселков (*Османов М.О.*, 1988. С. 12).

Выше мы говорили, что второй аспект социальной стороны (сущности) поселений отражают их типы. Как указывалось, типы передают главным образом формационное содержание объекта, хотя, впрочем, следует отметить тесную состыкованность обоих аспектов поселений (тип расселения и тип поселения) и их взаимопроницаемость, взаимозаменяемость в характеристике социальных параметров поселений. Это станет более очевидным, если мы вспомним содержание типа поселения: 1) социально-экономическая природа (характер) с формами землевладения; 2) общественно-политическое положение с акцентом на характер власти и аппарат принуждения, формы политического состояния, зависимости (или независимости) (см.: *Османов М.О.*, 1962. С. 19).

При изучении видов расселения (аул, махьи, отселок) мы видели, что их невозможно различить или классифицировать в формационном отношении. Они образуют в целом социально однородные совокупности (происходят один от другого, находятся один в составе другого, располагаются на территории одного политического объединения, образуют единый хозяйственно-экономический организм), и поэтому рассмотрение их социально-экономической природы и общественно-политического состояния должно происходить по совокупностям, объединенным в рамках определенной территории или политического образования.

В дагестанской историографии признано положение, что в XVIII–XIX вв. (и ранее) в Дагестане «ведущее место занимали феодальные отношения, опутанные пережитками родоплеменного строя» (История Дагестана, 1968. С. 316). Правда, сходясь во мнении относительно того, что «в Дагестане в целом господствовали патриархально-феодальные отношения» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 399), историки отмечают «различия в степени зрелости этих отношений в разных районах» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 399). Но авторы в общем единодушны в том, что «в горной части Дагестана преобладают феодальные отношения, переплетавшиеся с пережитками патриархально-родовых отношений... а на равнине Дагестана – развитые феодальные отношения» (*Хашаев Х.-М.*, 1961. С. 128, 183). Вместе с тем, М.О. Османов вслед за Р. М. Магомедовым, Л. И. Лавровым, В. Г. Гаджиевым и др. считает, что в горном Дагестане следует различать социально-экономический строй ханств, зависимых союзов обществ и независимых союзов («вольных») (*Османов М.О.*, 1988. С. 18).

Исходя из этого, М.О. Османов выделяет три ступени (уровня) развития феодальных отношений в разных районах Дагестана XVIII–XIX вв., непосредственным образом отражающиеся и на классификации социально-экономической природы дагестанских поселений: 1) раннефеодальное: поселения независимых «вольных» союзов обществ; 2) феодально-патриархальное: поселения зависимых союзов и часть поселений горных ханств; 3) феодальное: поселения феодальных владений. Один из главных критериев в этом делении – формы землевладения. В «вольных» обществах – неограниченный суверенитет общин на всю исторически сложившуюся территорию общества. Во второй группе (феодально-патриархальная) крестьянская мульковая собственность сочетается с феодальной на крупные массивы угодий, большей частью пастбищные и покосные. В третьей группе феодальная собственность преобладает, господствует (*Османов М.О.*, 1988. С. 20).

Общественно-политическая характеристика обусловлена социально-экономическим содержанием: раннефеодальному типу соответствует свободное сельско-общинное поселение («вольных» обществ), независимое от феодалов, но со спонтанными процессами феодализации (*Лавров Л.И.*, 1978. С. 13–14); феодально-патриархальному – сельско-общинное поселение с определенными (иногда взаимообусловленными) формами зависимости поселения или союза обществ в целом от феодалов; феодальному же соответствует ханское (бекское) поселение,

полностью зависящее от феодалов, с феодальными повинностями (*Кобычев В.П., Робакидзе А.И., 1967. С. 1*).

Характеризуя разновидности типов поселения М.О. Османов приходит к следующим выводам, что это три разновидности: раннефеодальное, сельско-общинное вольное; феодально-патриархальное, сельско-общинное, феодально-полузависимое; феодальное, ханское (бекское), зависимое поскольку они отражают социально-экономическую природу и общественно-политическое состояние поселений и могут быть определены как типы поселений.

Соотношение видов и типов поселений выглядит так: в пределах района или политического образования один тип поселения охватывает все три вида поселений, так как у всех (аул, махьи, отселок) единые социально-экономическая сущность и политическое состояние. Однако тип поселения может влиять на сложение определенного типа (вида) расселения. Так, в районах господства типов зависимых и полузависимых слабо распространен разбросанный тип расселения (виды махьи и отселки). И с другой стороны, один и тот же вид поселений в зависимости от своего расположения (в независимых союзах или ханствах) может входить в разные типы поселений – вольный, полузависимый, зависимый (напр., аул Цудахар с совокупностью своих махьи и отселков – раннефеодальный, аул Рича – феодально-патриархальный, аул Кадар – феодальный) (*Османов М.О., 1988. С. 21*).

Остановимся на районном распространении типов поселений.

К первому типу (раннефеодальный, сельско-общинный, независимый) относилась большая часть поселений нагорной Аварии и Даргинии, входивших в состав «вольных» обществ, подобных Андалальскому, Анцухскому, Тлейсерухскому (Гунибский округ), Акушинскому, Цудахарскому, Мекегинскому (Даргинский округ), часть поселений лезгин (союз Ахтыпара и др.) и т. д. При этом заметим, что многие «вольные» союзы прошли этап первоначального феодального развития и их последовавшее освобождение от феодалов и независимость были своеобразным результатом феодального раздробления (*Османов М.О., 1988. С. 21*).

Ко второму типу (феодально-патриархальный, сельско-общинный, феодально-полузависимый) относится подавляющая часть поселений Дагестана: узденские селения Аварского, Казикумухского и Кюринского ханств (одноименные округа), уцмийства Кайтагского (Нижне-Кайтагский, Кара-Кайтагский участки), шамхальства Тарковского (Темир-Хан-Шуринский округ), значительная часть поселений союзов обществ Аварии (Куядинский союз, Салатавский, Каралальский и др.), большинство поселений лезгин, табасаранцев, агулов (Кюринский округ) и др. Зависимость в этом типе была самой разнообразной и многостепенной – от взаимообусловленных соглашений до прямых выплат, пахтовых сборов и своеобразных потлачей. Сравнительно малочисленны поселения третьего типа (феодальный, зависимый). Для них характерна податная (нередко подворная) зависимость, сочетающаяся нередко с личной зависимостью вплоть до крепостного состояния. Сюда относятся и все так называемые райятские поселения, т.е. поселения лично зависимых крестьян. Естественно, они были в составе феодальных владений. Это, например, сс. Ках, Хиниб и др. в Аварском ханстве, Кадар, Халимбакаул и др. в шамхальстве, теркеменские селения в уцмийстве (*Османов М.О., 1988. С. 22*); Хосрех, Шара, Тохчар, Коцран, Хурхи, Тулизма, Хулизма, Шали, Халапки и др. в Казикумухском ханстве и т. д. (*Булатова А.Г. Лакцы, 2000. С. 94*).

Таким образом, в Дагестане в XIX в. было три типа поселений, имеющих общедагестанское распространение: 1) раннефеодальное, сельско-общинное, независимое («вольное»); 2) феодально-патриархальное, сельско-общинное, феодально-полузависимое; 3) феодальное, ханское (бекское) зависимое.

Следовательно, этногеографические особенности формирования населенных пунктов и система расселения народов Нагорного Дагестана определялась отношением горца к природным ресурсам, особенностями сложившихся экосистем Дагестана и в целом жизненным пространством. Горцы основывали свои поселения, как уже указывалось, на возвышенных местах, расположенных недалеко от источников чистой пресной воды, где уже недалеко можно было найти материал для жилища, ведения хозяйства. Знания о природных условиях и экологических рисках для жизни, здоровья и хозяйственной деятельности на освоенной территории во многом определяли особенности этногеографии. Экосистемы Дагестана отразились на формировании систем общественной гигиены, а также на планировке поселений или стоянок, отдельных хозяйственных дворов и на размещении хозяйственных построек на освоенной территории. Знания и навыки, необходимые для передвижения по освоенной территории и для выбора мест поселений, а также названия населенных пунктов оказывались тесно связанными с этноэкологическими особенностями Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

- А. З. (Зиссерман).* 10 лет на Кавказе // Современник. 1854. Т. 48. № 11. – 35 с.
- Агаширинова С.С.* Поселения лезгин в XIX – начале XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1959. Т. 6. С. 233–248.
- Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин во 2 половине XIX – начале XX в. М., 1979. – 304 с.
- Агларов М.А.* Поселение и жилище андийской группы народов в XIX – начале XX вв. // Учен. записки. Т. XVI. (серия общественных наук). Махачкала, 1966. С. 367–396.
- Айтберов Т.М.* Недавно найденные адаты аварцев XVII в. // СЭ. 1978. № 6. С. 113–116.
- Айтберов Т.М.* Материалы по истории Дагестана XV–XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 87–93.
- Алиев А. И., Никольская З.А.* Даргинцы // Народы Кавказа. М., 1955, I. С. 476. (Из серии «Народы мира. Этногр. очерки»)
- Байерн Ф.* О древних сооружениях на Кавказе // ССК. Тифлис, 1871. Т. 1. – 300 с.
- Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // ТИЭ. М., 1956. Т. XXXI. С. 30–43.
- Булатова А.Г.* Лакцы (XIX – нач. XX в.): Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. – 196 с.
- Булатова А.Г.* Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.). Махачкала, 2000. – 386 с.
- Варг М.А.* Структурный анализ в историческом исследовании // Вопр. философии. 1964. № 10. С. 85–93.
- Витов М.В.* О классификации поселений // СЭ. 1953. № 3. С. 31–37.
- Витов М.В.* Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения // КСИЭ. М., 1958.
- Воспоминания о службе на Кавказе. Отрывок из записок офицера // Москвитянин. 1851. Ч. 1. Кн. 4. – 500 с.
- Гаджиев М.Г.* Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 12–13.
- Гаджиева С.Ш.* Материальная культура кумыков XIX–XX вв. Махачкала, 1960. – 169 с.
- Гаджиева С.Ш.* Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. – 388 с.
- Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев (в дальнейшем – материальная культура даргинцев). Махачкала, 1967. – 298 с.
- Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976. – 228 с.
- Гене Ф.И.* Сведения о горном Дагестане // ИГЭД. – 346 с.
- Динник Н.Я.* Путешествие по Закатальскому округу и Дагестану // Изв. КОИРГО. 1911. Т. XXI. – 642 с.
- Заикин Г.М.* Населенные места Дагестана. Темир-Хан-Шура, 1917.
- Иоселиани П.* Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862.
- Исламмагомедов А.И.* Поселения аварцев в XIX–XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XII. С. 155–174.
- Исламмагомедов А.И.* Аварцы: Историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XX в. Махачкала, 2002. – 432 с.
- История Дагестана: В 4-х т. М., 1968. Т. 1. – 432 с.
- Ихлов М.* Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967. – 370 с.
- Калоев Б.А.* Поселение и жилище агулов // КСИЭ. 1955. XXIII. С. 34–45.
- Кобычев В.П.* Крестьянское жилище народов Азербайджана // КЭС. М.; Л., 1962. Вып. III. С. 3–68.
- Кобычев В.П.* Типология кавказского народного жилища // VII МКАЭН. М., 1964. – 17 с.
- Кобычев В.П.* Города, селения, жилища // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 90–150.
- Кобычев В.П., Робакидзе А.И.* Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа // СЭ. 1967. № 2. С. 26–44.
- Комаров А.В.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник стат. сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. I. С. 10–26.
- Кузнецов А.И.* Симпозиум по типологии явлений культуры // СЭ. 1979. № 2. С. 155–160.

- Кузнецов Н.И.* В делях Дагестана // Изв. ИРГО. 1913. Т. XLIX. Вып. 1–III. – 270 с.
- Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. – 184 с.
- Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. – 407 с.
- Марков Е.* Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.; М, 1887.–693 с.
- Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. – 304 с.
- Мусаева М.К.* Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана (Панорамный обзор). Махачкала, Издательский дом «Народы Дагестана, 2003. – 128 с.
- Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в.: Сб. статей. Махачкала, 1981. – 168 с.
- Османов М.О.* Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // Учен. зап. Махачкала, 1970. Т. XX. (Сер. обществ. наук). С. 83–302
- Османов М.О.* Поселения даргинцев в XIX–XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. X. С. 214–238.
- Османов М.О.* Поселение Дагестана первой половины XIX в. (Вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1988. С. 6–22.
- Пименов В.В.* К истории сложения типов поселения в Карелии // СЭ. 1964. № 2. С. 3–18.
- Робакидзе А.И.* К вопросу о форме поселения в Сванети // КСИЭ. Тифлис, 1958. XXIX. С. 52–61.
- Робакидзе А.И.* Поселение как источник изучения общественного быта // VII МКАЭН. М., 1964. С. 2.
- Сергеева Г.А.* Арчинцы. М., 1967. – 191 с.
- Современные этнические процессы в СССР // Ред. Ю. В. Бромлей. М., 1975. – 544 с.
- Тульчинский Г.А., Светлов В.А.* Логико-семантические основания классификации // Типы в культуре: Методол. пробл. классификации, систематики и типологии в социально-ист. и антропол. науках. Л., 1979. С. 26–37.
- Хашаев Х.М., Саидов М.-С.* Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957. – 41 с.
- Хашаев Х.О.* Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. – 116 с.
- Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. – 262 с.